020
Н.641.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА

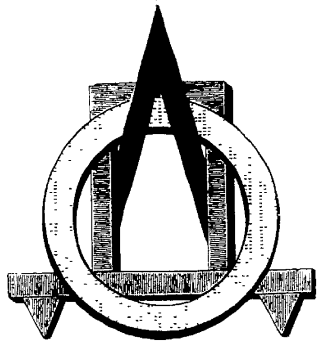
CXLVII

БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНІЯ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ КНИЖНОСТИ

СООБЩЕНІЕ

Н. НИКОЛЬСКАГО



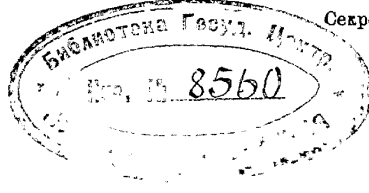
1902

2 ос

Пров. 1959

Напечатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Секретарь *П. Шефферъ.*



ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Академии Наук СС
1072
58

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., д. № 28

Съ правильнымъ движеніемъ научной мысли несовмѣстимы поспѣшныя обобщенія, основанныя на недостаточныхъ и мало изученныхъ первоисточникахъ. Ошибочное наблюденіе, полученное такимъ путемъ, можетъ задержать на продолжительное время поступательный ходъ науки по ея прямому направленію. Строго научная методика требуетъ поэтому, чтобы выводъ не отдѣлялся посредствующими скачками отъ посылокъ, изъ которыхъ онъ исходитъ. Но современною исторіографіею такъ называемой древне-русской литературы правило это оказывается совершенно забытымъ не только въ изысканіяхъ по частнымъ вопросамъ, а и въ самомъ построеніи общей системы ея. Отчетливо выдѣляются здѣсь преждевременныя обобщенія, сдѣланныя еще въ 50-хъ годахъ минувшаго вѣка, и этими старинными недосмотрами и опредѣляются въ настоящее время тѣ ближайшія задачи, которыя должны предстоять изслѣдователю до-петровскаго книжнаго дѣла.

Послѣ ряда опытовъ литературной исторіи и вслѣдъ за неудачными очерками, принадлежавшими Гречу и Максимовичу, исторія такъ называемой древне-русской литературы начала свою жизнь съ труда С. Шевырева: „Исторія русской словесности преимущественно древней“ (т. I въ 2 ч. 1846; ч. III—1858; IV — 1860). За этими чтеніями московскаго профессора, повидимому, была неотъемлемая и крупная заслуга. Распредѣливъ въ хронологически стройномъ порядкѣ

памятники русской словесности, Шевыревъ пытался подмѣтить ея развитіе въ связи съ религіозною, умственною и общественною жизнью народа. Казалось, въ наукѣ совершился выдающійся шагъ: литературная исторія превратилась въ исторію древне-русской словесности, и въ длинномъ рядѣ слѣдовавшихъ затѣмъ общихъ курсовъ ея методъ разработки и самое научное зданіе, повидимому, на столько упрочились, что въ настоящее время было бы страннымъ ставить самый вопросъ о возможности воспроизвести ея прошлое на основаніи существующихъ источниковъ.

Между тѣмъ въ дѣйствительности эти источники относятся ничуть не къ *общей* исторіи древне-русской литературы, а только къ судьбѣ одного изъ *спеціальныхъ* ея отдѣловъ. Обратимъ вниманіе на то, что̀ въ курсахъ по исторіи русской литературы занимаетъ изслѣдователя XVIII и XIX столѣтій. Имена Кантемира, Татищева, Тредьяковскаго, Сумарокова, Екатерины II, Карамзина, Жуковскаго, Крылова, Озерова, Гнѣдича, Батюшкова, Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Тургенева, Островскаго и друг. достаточно ясно показываютъ, что̀ входитъ въ кругъ изученія словесности, стремящейся къ эстетическому дѣйствію. Между тѣмъ, въ предшествующія столѣтія мы почти не встрѣчаемъ ближайшихъ предковъ беллетристики XVIII и XIX вв. Слово о Полку Игоревѣ, нѣсколько сказаній и повѣстей, слѣды былевого эпоса—вотъ немногіе остатки аналогичныхъ памятниковъ до-реформенной эпохи, окончившейся во второй половинѣ XVII вѣка. Остальное все, что̀ не относится къ дѣловымъ бумагамъ, принадлежитъ *церковной письменности*, которая продолжала свое развитіе и въ послѣ-петровскіе годы, но вопреки ожиданіямъ обыкновенно исключается изъ общихъ курсовъ по исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій. Получается любопытная странность: къ исторіи изящной словесности за ея два недавнихъ столѣтія прикрѣпляется спереди исторія церковной письменности за семь предшествующихъ

вѣковъ, несмотря на то, что первая не была связана съ послѣднею причинною зависимостью Изученіе же исторіи церковной письменности, существовавшей на Руси непрерывно съ XI вѣка до нашихъ дней, разрубается съ такимъ же непонятнымъ произволомъ: до-реформенная церковная письменность изучается съ точки зрѣнія историка позднѣйшей литературы, а послѣ-реформенная выбрасывается изъ области литературнаго изученія.

Церковная письменность до-реформенной эпохи не была связана *нераздѣльно* съ послѣ-петровскою изящною словесностью ни по задачамъ, ни по содержанію, ни по формѣ, ни по литературному стилю, ни по своей, такъ сказать, природѣ и потому должна имѣть въ общей исторіи русской письменности свой отдѣльный кругъ самостоятельныхъ задачъ разработки. Разсматривая до-реформенную церковную письменность, какъ необходимый историческій прецедентъ позднѣйшей словесности и включая первую въ длинную пропедевтическую главу послѣдней, теряютъ изъ виду составъ и значеніе *того* матеріала, который *въ настоящее время* мы имѣемъ для изысканій въ области до-петровской письменности духовной и свѣтской.

Этотъ матеріалъ содержитъ съ одной стороны драгоцѣнные запасы свѣдѣній о церковно-учительномъ дѣлѣ и весьма мало данныхъ для сужденія о древней литературѣ въ цѣлостномъ объемѣ ея произведеній. Но если мы имѣемъ источники, пригодные для исторіи богослужебныхъ книгъ и проповѣдничества, то это не значитъ, что мы имѣемъ необходимые источники и для исторіи всей вообще литературы и въ правѣ дѣлать выводы о ея развитіи съ точки зрѣнія позднѣйшаго понятія о словесности. Съ другой стороны, тотъ же матеріалъ еще недостаточенъ для выводовъ объ общемъ движеніи древней литературы, такъ какъ до сихъ поръ не изучено состояніе мѣстнаго просвѣщенія въ отдѣльныхъ средоточіяхъ книжности стараго времени. Между тѣмъ при отсутствіи книгопечатанія и при разъединенности умственныхъ центровъ, не

всѣ литературные факты могли занимать въ дѣйствительности то самое хронологическое мѣсто въ ихъ цѣпи, какое имъ присваиваютъ историки на основаніи хронологическихъ сопоставленій. Точной исторіи общерусской древней словесности должны предшествовать очерки развитія областной письменности: иначе будетъ устанавливаться преемственная связь между сочиненіями тамъ, гдѣ могло и не быть никакихъ слѣдовъ ея. А такихъ очерковъ мы пока не имѣемъ.—Очевидно, что если современная исторіографія построяетъ свои обобщенія на основаніи малоподготовленнаго къ тому матеріала, то научныя задачи ея должны быть сужены и видоизмѣнены примѣнительно къ наличному состоянію его. Должна быть видоизмѣнена и самая точка зрѣнія на изучаемый матеріалъ.

Всмотримся, какими въ самомъ дѣлѣ источниками располагаемъ мы для исторіи письменности до-петровскихъ столѣтій или, точнѣе, до половины XVII вѣка?

Всѣ уцѣлѣвшіе памятники этой письменности принадлежатъ или къ разряду архивныхъ документовъ, или къ числу библіотечныхъ рукописей.

Первые состоятъ преимущественно изъ дѣловыхъ документовъ, какъ-то: купчихъ, правыхъ, раздѣльныхъ, сотныхъ межевыхъ, данныхъ, духовныхъ, отписокъ, жалованныхъ грамотъ, указовъ, явокъ, платежныхъ, кабалъ и т. п. актовъ, относящихся къ юридическому или частно-хозяйственному быту. Такіе документы имѣли значеніе цѣнности денежной или вещевой и потому до конца XVIII вѣка бережно сохранялись въ приказахъ и церковно-монастырскихъ казнохранилищахъ или казенныхъ палатахъ. Но понятно, что большая часть этихъ столбцовъ и свитковъ не имѣетъ отношенія къ древнерусской словесности.

Это значеніе обыкновенно присваиваютъ той половинѣ письменности, которая входила въ составъ книгохранилищъ или книжныхъ палатъ. Но въ дѣйствительности и эта часть матеріала недостаточна для наблюденій надъ нашею старин-

ною литературою во всемъ ея объемѣ, такъ какъ въ настоящее время мы располагаемъ только тѣми книжными рукописями, которыя сохранили монастырскія и церковныя библіотеки московской Руси, не допускавшія въ свою среду того, что̀ выходило за предѣлы ихъ прямого назначенія. Если въ настоящее время было бы ошибкою писать обзоръ современной литературы, ограничиваясь тѣмъ, что̀ стоитъ на полкахъ церковныхъ библіотекъ, точно такъ же было бы несправедливо предполагать, что древне-русская церковно-монастырская бибіотека охватила собою всѣ разряды памятниковъ литературнаго творчества.

Она имѣла свою болѣе или менѣе узкую задачу, къ которой и приспособлялась и въ своемъ составѣ, и въ своей судьбѣ.

Въ старинныхъ монастырскихъ библіотекахъ мы не находимъ обширныхъ отдѣловъ письменныхъ произведеній, напр., той частной переписки, которая была чужда назидательнаго характера, но которая несомнѣнно существовала съ древнѣйшаго времени. Почти не видимъ мы здѣсь и сборниковъ дѣловыхъ документовъ, несмотря на то, что такіе сборники находили себѣ пріютъ рядомъ съ библіотекою въ монастырскихъ казнохранилищахъ. Очевидно, что книжныя палаты церквей и монастырей не были складами случайныхъ рукописныхъ запасовъ, но служили *опредѣленнымъ* цѣлямъ, которыя съ одной стороны исключали изъ библіотеки то, что̀ не имѣло близкой связи съ этими цѣлями, съ другой стороны намѣчали спросъ на рукописи съ содержаніемъ, необходимымъ для церковно-монастырскаго книгохранилища.

Что̀ же входило въ составъ этой церковно-монастырской библіотеки, какъ сформировалась она и сближалась ли ея исторія съ процессомъ развитія литературы?

До насъ не сохранилась въ цѣльномъ своемъ видѣ ни одна изъ южно-русскихъ до-монгольскихъ библіотекъ, но мы имѣемъ еще не мало данныхъ для исторіи библіотекъ на мо-

сковскомъ сѣверѣ, начиная съ XV вѣка. Одна изъ характерныхъ подробностей развитія просвѣщенія состояла здѣсь въ томъ, что почти каждое культурое явленіе возникало подъ вліяніемъ насущныхъ потребностей быта. Монастырскія и церковныя библіотеки не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Ни одна церковь, ни одинъ монастырь не могли оставаться безъ службы и пѣнія, а слѣдовательно и безъ богослужебныхъ книгъ. Поэтому псалтыри, служебники, минеи, стихирари, октоихи, тріоди, паремейники, часословы, а затѣмъ уставы, требники, ирмологіи и т. п. книги и служили начальнымъ звеномъ въ исторіи каждаго церковнаго и монастырскаго книгохранилища. Сюда же принадлежала и Кормчая, какъ каноническій регуляторъ жизни. Въ небольшихъ церковныхъ книгохранилищахъ (особенно по селамъ и погостамъ), какъ видно изъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ, нерѣдко этою наличностью и исчерпывалось все книжное имущество. Но въ болѣе пожилыхъ церковныхъ единицахъ на этой ступени не могли замирать потребности мѣстной библіотеки. Согласно съ 19 правиломъ пятошестого вселенскаго собора греческіе типики, перешедшіе на Русь, требовали, чтобы въ церквахъ прочитывались разныя назидательныя творенія отцовъ и учителей церкви. И уставы: студійскій и (аѳонско-) іерусалимскій отмѣчали даже самыя книги и статьи, подлежавшія богослужебному прочтенію. Поэтому вторичную ступень въ судьбѣ церковно-монастырскаго книгохранилища составляло пріобрѣтеніе книгъ съ уставными чтеніями, носившихъ въ древности техническое прозвище — четьихъ. Въ этотъ второй отдѣлъ библіотечной книжности входили: соборники (въ отличіе отъ изборниковъ), минеи-четьи, торжественники, прологи, златоустники, земные раи, пятидесятницы, учительныя евангелія, толковыя евангелія, патерики, толковыя псалтыри и б. м. златострун. Богослужебными и четьими книгами ограничивались потребности обычной соборной и церковной библіотеки.

Но въ общежительныхъ и скитскихъ монастыряхъ—по-

мимо храмовыхъ наставленій—типикономъ предусматривалось еще келейное чтеніе, которое дало мѣсто третьему типу библіотечныхъ книгъ древняго времени—книгъ келейныхъ, служившихъ цѣлямъ внѣбогослужебнаго назиданія и справочнымъ.

Большая часть ихъ состояла изъ нравоучительныхъ сборниковъ опредѣленнаго наименованія или изъ сборниковъ, составлявшихся посредствомъ выборки статей изъ четьей письменности или вообще изъ назидательныхъ сочиненій или изъ справочныхъ статей съ положительнымъ содержаніемъ. Сюда могутъ быть отнесены: палеи, хронографы, лѣтописи, измарагды, златыя цѣпи, Изборникъ 1073 года и т. п. рукописи.—Это—третій отдѣлъ древней книжности, расширеніе котораго составляло третью задачу въ исторіи отдѣльныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, монастырскихъ собраній.

Почти до половины XVII в. внѣ этихъ трехъ отдѣловъ въ древне-русской библіотекѣ мы не видимъ почти никакихъ другихъ памятниковъ. Это не значитъ, что не было отдѣльныхъ исключеній. Подъ крышку монастырскаго переплета чрезъ вклады случайно пробирались книги особаго характера, а также дѣловыя бумаги. Но тѣмъ не менѣе въ древности существовала опредѣленная норма, которою нивеллировался обычный составъ рукописей духовной библіотеки, и эта норма заключалась въ богослужебно-назидательномъ и церковно-законодательномъ назначеніи памятника. Очевидно, что рукописи монастырскихъ и церковныхъ библіотекъ отвѣчали практическимъ потребностямъ мѣстныхъ общинъ, а ничуть не служили зависимымъ отраженіемъ древне-русскаго литературнаго дѣла во всемъ его разностороннемъ объемѣ. Напротивъ, въ этихъ практическихъ потребностяхъ находитъ свое объясненіе и самый кругъ русскихъ сочиненій въ монастырской библіотекѣ, и ихъ литературный стиль, и ихъ подражательность узаконеннымъ греческимъ образцамъ.

Въ какой мѣрѣ указанныя жизненнобытовыя задачи библіотеки повліяли на самую судьбу сохранившагося матеріала, не

трудно подмѣтить по общему ходу развитія доступной изслѣдованію книжности, пережившей два крупныхъ періода своего до-петровскаго бытія. И въ первомъ періодѣ, случайно совпавшемъ съ вѣками пергамина, и во второмъ московскомъ періодѣ, начавшемся съ конца XIV в., составъ ея складывался подъ вліяніемъ запросовъ церковно-монастырской книгохранительницы.

Статистическія свѣдѣнія о первоначальныхъ шагахъ нашей пергаменной письменности вполнѣ оправдываютъ сдѣланное наблюденіе, освѣщая отмѣченную поступательную постепенность ея исторіи [1]). Такъ какъ на первыхъ порахъ для церквей и монастырей необходимы были богослужебныя рукописи, то сообразно съ этимъ въ числѣ наличныхъ 708 пергаменныхъ книгъ XI — XIV столѣтій мы и находимъ (въ отрывкахъ или въ цѣльномъ видѣ) служебныхъ евангелій (апракосъ и тетръ) 138, апостоловъ 16, псалтырей 25, паремейниковъ 27, служебныхъ миней (отдѣльными мѣсяцами) 86, праздничныхъ 14, 17 стихирарей, 10 ирмологовъ, 5 кондакарей, 35 тріодей октоиховъ и параклитовъ 19, канонниковъ 9, шестодневовъ 7, служебниковъ 29, обиходовъ, требниковъ, уставовъ и другихъ богослужебныхъ книгъ 35; итого изъ 708 книгъ, слѣдовательно, мы имѣемъ 470 спеціально богослужебныхъ. Большинство остальныхъ принадлежитъ къ разряду четьихъ книгъ. Число ихъ восходитъ до 218. И только 20 рукописей остаются на долю небогослужебныхъ.

Выражая указанныя цифры въ процентныхъ отношеніяхъ, получимъ, что въ общей суммѣ сохранившихся пергаменныхъ книгъ спеціально богослужебныхъ рукописей мы имѣемъ около 67%, четьихъ около 29%, а не богослужебныхъ около 3%.

Распредѣливъ тотъ же статистическій матеріалъ по вѣкамъ,

---

[1]) Пользуемся полезнымъ (несмотря на нѣкоторую неполноту) трудомъ Н. В. Волкова: „Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI—XIV вѣковъ и ихъ указатель“. Спб. 1897. Памятники Древн. Письмен. № CXXIII.

мы увидимъ, что отъ первыхъ: XI и XII столѣтій уцѣлѣли книги большей частью спеціально богослужебныя; именно отъ XI вѣка въ числѣ 21 рукописи намъ остались: 6 евангелій, 2 псалтыри, 2 псалтыри съ толкованіями, 5 миней мѣсячныхъ, 1 Пандекты Антіоховы, 1 списокъ словъ Григорія Богослова, 2 отрывка изъ житій св. Кодрата и Ѳеклы и 2 Изборника Святослава 1073 и 1076 гг., т.-е. богослужебныхъ рукописей 13, четьихъ 6, остальныхъ только 2.

Къ XII в. относятся 59 сохранившихся рукописей: изъ нихъ богослужебныхъ 43, четьихъ 14 и 1 Кормчая.

Въ дальнѣйшіе вѣка процентное отношеніе числа четьихъ и келейныхъ книгъ къ числу книгъ богослужебныхъ возвышается. И этотъ фактъ не можетъ не служить показателемъ взаимности между сохранившеюся рукописью и спеціальными задачами монастырской библіотеки. Монастыри сберегли намъ по преимуществу тѣ пергаменныя книги, безъ которыхъ не могло обходиться церковное богослуженіе въ широкомъ значеніи этого слова. Сначала переписывались книги богослужебныя, затѣмъ четьи. Внѣ этого круга мы не имѣемъ почти ничего.

Изъ русскихъ литературныхъ произведеній въ до-монгольскихъ спискахъ до насъ сохранилось очень и очень немногое, но сохранилось именно то, что̀ читалось за богослуженіемъ (напр., житіе Ѳеодосія, сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ и т. п.), или что̀ имѣло значеніе законодательнаго руководства. Затѣмъ, какая книга, какъ не Библія по принятіи русскими христіанства должна бы была привлекать къ себѣ труды переписчиковъ? Между тѣмъ до конца XV вѣка, до времени Геннадія, ни одного полнаго списка Библіи не сохранилось. Даже древнѣйшій русскій полный списокъ новозавѣтныхъ книгъ относится лишь къ половинѣ XIV вѣка. Этого, безъ сомнѣнія, не случилось бы, если бы интересы богослужебные не покрывали собою самихъ мотивовъ по распространенію и сохраненію списковъ. Даже изъ книгъ библейскихъ у насъ переписыва-

лись главнымъ образомъ тѣ, которыя прочитывались за богослуженіемъ.

Далѣе: древне-русская книжность даетъ другія не менѣе отчетливыя указанія на то, что уцѣлѣвшія рукописи недостаточны для исторіи древне-русской литературы во всемъ ея объемѣ.

Слово о полку Игоревѣ, Слово Даніила Заточника, отрывки историческихъ сказаній въ лѣтописяхъ, Слово о погибели русской земли и т. п. произведенія показываютъ, что въ начальные вѣка русской жизни кромѣ церковно-учительной книжности существовала и развивалась и свѣтская литература, достигнувшая въ южной Руси значительнаго расцвѣта. Если бы Слово о Полку Игоревѣ было одиночнымъ для своей эпохи, то оно было бы, конечно, историческою несообразностью. Но мы знаемъ кромѣ того, что въ тотъ же ранній періодъ было не мало частныхъ книголюбцевъ и участниковъ литературнаго труда. Однако ни книжныя собранія такихъ лицъ (за исключеніемъ случайныхъ экземпляровъ), ни произведенія литературы, чуждыя церковнаго назидательнаго характера, намъ неизвѣстны помимо того немногаго, что̀ сберегли до насъ въ разрозненномъ видѣ монастырскія библіотеки болѣе поздней формаціи, какъ сѣверно-русскія, такъ отчасти и юго-западныя. Если руководиться спискомъ (южно- и западно-русскихъ) рукописей, составленнымъ проф. Владиміровымъ, то отъ домонгольскаго времени мы знаемъ только двухъ представителей кіевской книжности, предназначавшейся для домашняго чтенія, именно изборники 1073 и 1076 годовъ Всѣ статьи русскаго пера, носившія свѣтско-литературный отпечатокъ, сохранились до насъ въ сравнительно позднихъ и единичныхъ спискахъ, нерѣдко носящихъ печать искаженій. Совсѣмъ не случайно то обстоятельство, что сгорѣвшій въ 1812 году (ярославскій) списокъ Слова о Полку Игоревѣ былъ единственнымъ, что полнаго текста Слова о погибели русской земли мы не знаемъ, что Слово Даніила Заточника извѣстно только по 7—8 спискамъ, изъ коихъ бо́льшая

часть представляетъ собою церковно-учительную передѣлку памятника. Свѣтская литература съ цикломъ ея историческихъ сказаній и поэтическихъ произведеній была соблазнительна и неумѣстна въ благочестивомъ семействѣ богослужебно аскетическихъ рукописей монастыря. Мало того, даже сказанія о подвижникахъ (напр., житія Антонія Печерскаго, св. Владиміра и т. п.), не получившія значенія четьихъ статей, быстро исчезали изъ книжности. Житіе Антонія уже въ XVI вѣкѣ безуспѣшно разыскивалъ старецъ Исаія въ Москвѣ. Еще меньшую живучесть обнаруживали тексты частныхъ хотя бы и нравоучительныхъ писемъ и посланій: мы знаемъ о такихъ утратахъ изъ житій Ѳеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго, изъ посланія митрополита Климента, изъ лѣтописи и т. д., и т. д.

Когда послѣ татарскихъ погромовъ разсѣялись кіевскія и южно-русскія библіотеки и центръ культурной жизни вмѣстѣ съ монастырской колонизаціей передвинулся въ предѣлы междурѣчья Оки и Волги и далѣе на сѣверъ, тогда, начиная съ половины XIV в., въ періодъ возрожденія русской книжности, безспорно, могли еще существовать остатки кіевской не четьей и не духовной литературы. Слѣды близости къ кіевской эпохѣ не трудно еще открыть въ нѣсколькихъ сборникахъ (изборникахъ) первой половины XV столѣтія (см. сборники: Паисіевскій Арх Мин. И. Дѣлъ, Истор. Музея, Кирилл. библ. и т. п.) и среди произведеній тогдашняго лѣтописанія. Но для вновь формировавшихся на сѣверѣ библіотекъ были въ то время необходимы по преимуществу богослужебныя, а затѣмъ четьи книги. Русская книжность на московскомъ сѣверѣ со второй половины XIV в. до конца XV в. и изобилуетъ поэтому списками тѣхъ и другихъ, что̀ стояло въ синхронической связи съ замѣною студійскаго устава іерусалимскимъ и съ усилившимися сношеніями съ югомъ, доставившимъ какъ обильный запасъ переводной четьей и учительной письменности, такъ и опытныхъ творцовъ службъ,

житій и словъ. Произведенія кіевской не четьей литературы не должны были находить для себя переписчиковъ въ монастыряхъ Суздаля, Подмосковья и Бѣлозерья съ одной стороны потому, что сочиненія эти не совпадали съ тогдашними запросами монастырской библіотеки, съ другой стороны потому, что по уставу монашескихъ общежитій, получившихъ начало отъ Сергіевой лавры, ни одна книга, ни одно писаніе въ монастырѣ не предпринимались безъ благословенія и контроля настоятеля. Изъ „письма о нелюбкахъ“ мы знаемъ, какъ опасливо относились монахи къ своимъ самодѣльнымъ писаніямъ, бросая ихъ въ огонь въ случаѣ сомнѣнія относительно ихъ содержанія. Свобода переписки въ сѣверныхъ монастыряхъ особенно въ XIV и XV вв. была сильно сдавлена. Если бы предполагать, что книга московскаго періода должна была сберечь остатки кіевскаго и болѣе поздняго эпоса или т. п. произведенія не духовной литературы, то слѣдовало бы ожидать этого отъ частныхъ библіотекъ. Но ни отъ XIV в., ни отъ первой половины XV вѣка ни одной такой библіотеки не сохранилось. Частныя же рукописныя собранія XVI вѣка намъ извѣстны только въ той мѣрѣ, въ какой ихъ приняли въ свою среду монастырскія книжныя палаты. Такъ, если мы знаемъ о нѣсколькихъ рукописяхъ, принадлежавшихъ разнымъ князьямъ, то потому, что эти книги уцѣлѣли въ монастырскихъ или церковныхъ библіотекахъ. Таковы, напр., книги Ивана III, Василія Ивановича и Ивана Грознаго, розданныя ими въ разные монастыри до извѣстнаго московскаго пожара. Какъ мало знаемъ мы о свѣтскихъ библіотекахъ, лучше всего доказываетъ недавній споръ по вопросу о существованіи въ XVI в. великокняжеской библіотеки иноязычныхъ книгъ. Можно, впрочемъ, съ нѣкоторою вѣроятностью догадаться, каковъ былъ составъ библіотекъ великихъ князей и другихъ свѣтскихъ лицъ за поздніе вѣка XV—XVI. Библіотеки эти составлялись уже въ ту пору, когда жизнь обычаемъ и спросомъ опредѣлила до извѣстной

степени кругъ памятниковъ, которымъ было дозволено входить въ библіотечную книгу, и потому свѣтскія библіотеки тогда подходили—въ своемъ составѣ—подъ уровень монастырско-церковныхъ. Дѣйствительно, ни одна великокняжеская книга, ни одно извѣстіе не противорѣчатъ этому предположенію.

Такимъ образомъ, составъ наличныхъ допетровскихъ библіотечныхъ рукописей былъ стиснутъ и очерченъ практическими потребностями церковно-монастырскаго быта, складывавшагося подъ воздѣйствіемъ Типикона, Кормчей и жизненныхъ условій. Съ этой церковно исторической точки зрѣнія, какъ мнѣ кажется, и слѣдовало бы прежде всего оцѣнить русскую книжность и литературную производительность древняго времени.

Исторія же отдѣльныхъ книгохранилищъ также даетъ возможность отыскать прямыя указанія на то, въ какое частное взаимоотношеніе съ типикарными предписаніями вступали мѣстныя внѣшнія условія существованія церковно-монастырской письменности и просвѣщенія.

Здѣсь опять нельзя было бы не подмѣтить, что спеціально-литературные интересы были слишкомъ удалены отъ главныхъ моментовъ развитія сохранившейся книжности и нельзя было бы не видѣть связи ея съ церковно-практическими потребностями. Сошлюсь на исторію только трехъ крупныхъ рукописныхъ собраній: Новгородско-Софійской, Кирилло-Бѣлозерской и Соловецкой библіотекъ.

Первая, возникшая при соборѣ XI вѣка, важна для насъ какъ рѣдкій показатель состава библіотекъ соборныхъ. Она не сохранилась въ своей цѣлости: еще въ половинѣ XVII в. (1652 г.) часть книгъ ея была увезена патріархомъ Никономъ, затѣмъ еще бо́льшему отчужденію подверглись рукописи ея въ XVIII в. — въ 1720 и 1735 гг., а также въ началѣ XIX в. Съ другой стороны уже въ 1764 г. допетровскій составъ библіотеки осложнился присоединеніемъ нѣсколькихъ

библіотекъ упраздненныхъ монастырей и рукописями кирилло-бѣлозерскими. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время можно усмотрѣть общія черты допетровскаго состава книгохранилища. Оно состояло почти исключительно изъ книгъ богослужебныхъ и четьихъ. Къ первымъ принадлежало большинство—что̀ и естественно для библіотеки епархіальнаго владычнаго собора. Книги четьи составляютъ меньшее число, восходя главнымъ образомъ къ эпохѣ митрополита Макарія, знаменитаго собирателя четьяго матеріала. Келейныхъ книгъ, какъ излишнихъ въ соборной библіотекѣ, здѣсь сохранилось немного. Почти всѣ софійскія наличныя книжки келейныя поступили сюда не раньше 1764 года—изъ другихъ монастырей. Составъ библіотеки подчинялся ея практической задачѣ.

Библіотека кирилловскихъ старцевъ была связана болѣе прочными нитями съ общественною литературою XV и XVI столѣтій, такъ какъ въ эти вѣка около монастыря сосредоточились нестяжатели, полемизировавшіе съ іосифлянами по религіозно-общественнымъ вопросамъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь не было прямой зависимости между исторіею библіотеки и литературно-публицистическимъ движеніемъ, но замѣтна тѣсная связь между книгою и ближайшими потребностями монастырской общины.

Начало Кирилло-бѣлозерской библіотеки восходитъ къ концу XIV в., ко времени преп. Кирилла писателя и книголюбца. Его книжныя собранія состояли или изъ рукописей богослужебныхъ (евангелій, апостоловъ, канонниковъ), или справочныхъ книгъ (отъ никонскихъ правилъ, лѣствицъ и т. п.) по аскетикѣ. XV вѣкъ до 80-хъ годовъ былъ временемъ пополненія этого собранія богослужебными текстами и четьими книгами, въ перепискѣ которыхъ приняли участіе ближайшіе ученики Кирилла и другіе: Христофоръ, Кассіанъ, Игнатій, старецъ Игнатій Матѳеевъ, дьякъ Алешка, учившій дѣтей грамматикійской хитрости и т. п. Такъ составилась библіо-

тека изъ 212 книгъ, въ средѣ которыхъ было мало келейныхъ. Съ 80-хъ годовъ XV в., когда богослужебно-четьи книги, необходимыя для монастыря, были уже переписаны, тексты четьихъ статей подвергались провѣркѣ и переработкѣ (Ниломъ Сорскимъ, Гуріемъ Тушинымъ и др.). и въ составѣ библіотеки въ большемъ числѣ появляются сборнички келейные, принадлежавшіе Евфросину, старцу Паисію, б. м. Герману Подольнему, старцу Гурію Тушину, переписавшему до 36 книгъ, и другимъ. Но эти письменныя работы только въ самой незначительной степени захватили тѣ литературные памятники, которые вышли изъ-подъ пера нестяжателей во время борьбы съ іосифлянами. Большая часть такихъ сочиненій утратилась, и изъ ихъ среды мы видимъ въ библіотекѣ главнымъ образомъ немногія сочиненія Нила Сорскаго Кирилло-бѣлозерская библіотека конца XV вѣка жила пересмотромъ старыхъ четьихъ статей и пополненіемъ ихъ или текстами, принесенными съ Аѳона, или произведеніями Пахомія, Григорія Цамблака и другихъ лицъ.

Со второй четверти XVI в. вслѣдствіе возрастанія числа монашествующихъ въ монастырѣ обозначилась потребность въ псалтиряхъ, необходимыхъ для келейнаго правила. Сообразно съ этимъ усилилась и переписка ихъ. Одновременно начался притокъ книжныхъ пожертвованій въ монастырь отъ московскихъ вкладчиковъ, вызванный съ одной стороны установившеюся административною близостью къ Москвѣ, съ другой стороны—общими условіями развитія книжнаго дѣла на сѣверѣ въ XVI в. Въ то время книга перестала уже быть такою цѣнностью, которая въ случаѣ отчужденія или передачи ея ставила въ безвыходное положеніе ея прежняго владѣльца, что имѣло мѣсто въ XV вѣкѣ. Кромѣ того, во вторую и третью четверть XVI в. мы наблюдаемъ и общія попытки увеличить число книгъ на Руси путемъ принудительной переписки,—попытки, которыя шли изъ великокняжескаго и царскаго дворца и находили себѣ сочувствіе со стороны

высшаго духовенства. По порученію великаго князя еще въ началѣ XVI в. изготовлялись изумительныя по своему исполненію рукописи въ монастырѣ Николы Стараго на Москвѣ, гдѣ жилъ и сподвижникъ Максима по переводамъ старецъ Селиванъ. Эти книги жертвовались в. к. Василіемъ Ивановичемъ въ разные монастыри. Въ половинѣ же XVI в. состоялось предписаніе царя—переписывать книги по разнымъ городамъ: „бысть бо тогда (т.-е. въ 7062 г.) повелѣніе отъ царя вел. князя Иванна по многимъ градомъ писати святыа книги". (Въ Вел. Новгородѣ этимъ завѣдывалъ софійскій священникъ Ѳома). Можно догадываться, что это предписаніе было отзвукомъ Стоглава.

Какъ бы то ни было, но къ половинѣ XVI в. почти повсемѣстно на Руси участились вклады книгами въ монастыри, что̀ служитъ показателемъ возрастанія общей численности рукописей, находившихся въ частныхъ рукахъ. Дѣйствительно во второй же половинѣ XVI в появились довольно обширныя библіотеки частныхъ лицъ, которыя могли быть вкладчиками въ монастырскія библіотеки. Изъ частныхъ книжныхъ коллекцій XVI в. извѣстны, напр., собранія митр. Іоасафа, митр. Макарія, епископа Кассіана Рязанскаго и Сильвестра, іерея Благовѣщенскаго собора и царскаго духовника, также боярина Тучкова и друг. Рукописи Сильвестра, Кассіана и Тучкова значительно пополнили ряды кирилловскихъ рукописей, придавъ составу монастырской библіотеки особый, такъ сказать, колоритъ.

Но эти вклады во вторую половину XVI в. не упразднили совершенно необходимости въ перепискѣ четьихъ книгъ, которая должна была ослабѣть ко второй четверти XVI вѣка. Соборы о новыхъ чудотворцахъ 1547 и 1549 годовъ вызвали потребность обзавестись списками вновь составленныхъ службъ, житій и похвальныхъ словъ. Въ связи съ этимъ въ Кирилловѣ, какъ и другихъ монастыряхъ, появились трефолои новымъ чудотворцамъ; служебныя минеи прежняго состава до-

пополнялись новыми службами; переписывались также сборники житій новыхъ чудотворцевъ и пополнялись прежніе торжественники. Въ то же время подъ вліяніемъ Стоглава въ крупнѣйшихъ монастыряхъ стало замѣтнымъ желаніе урегулировать письменнымъ путемъ бытовыя отправленія монастырской жизни какъ въ области внутренней и богослужебной, такъ и въ сферѣ экономической. Въ связи съ этимъ въ монастырское книгохранилище изъ казны (или казенной палаты) пробирается сначала церковный обиходникъ, за нимъ слѣдуютъ келарскій обиходникъ, кормовая книга, синодикъ, вкладная книга, старчество и другія. Рукописи эти (за исключеніемъ старчества) уже совершенно выходятъ изъ области церковно-учительнаго и домашняго назиданія, но появленіе ихъ въ библіотекѣ было аналогичнымъ присутствію въ ней Кормчей и Типикона и объясняется законодательнымъ значеніемъ для мѣстнаго общежитія, именно для быта его богослужебнаго, келейнаго и церковно-поминальной практики. Въ XVII вѣкѣ монастырь становится какъ бы церковно-административнымъ центромъ для приписныхъ окрестныхъ пустынь и монастырьковъ и церквей кирилловскихъ вотчинъ. Изъ Москвы съ печатнаго двора въ Кириллов направлялись новопечатныя книги въ десяткахъ экземпляровъ для обязательной продажи и распространенія ихъ среди подчиненныхъ церковныхъ учрежденій. Поэтому почти всѣ нововышедшія печатныя книги поступали и въ монастырскую казну, а отсюда въ книгохранилище. Но дѣятельность печатнаго двора, издававшаго одна за другою богослужебныя, а затѣмъ и четіи книги, сузила необходимость переписыванія какъ богослужебныхъ, такъ и четіихъ рукописей. Изъ числа послѣднихъ особенное значеніе имѣли изданіе (въ 1647 г.) такъ называемаго Соборника, т.-е. постнаго Златоустника, и послѣдующія изданія святоотеческихъ сочиненій, какъ-то Паренесиса Ефрема Сирина, переводовъ Епифанія Славинецкаго и распространеніе учительныхъ евангелій Кирилла Транквилліона, Каллиста и т. п.

Всѣ эти книги если не устранили совсѣмъ переписки церковно-учительныхъ памятниковъ, то все-таки значительно ограничили ее. При такихъ условіяхъ для XVII вѣка не утрачивало своего смысла изготовленіе только келейныхъ рукописей, оригинальныхъ сочиненій и относящихся до упорядоченія монастырскаго быта. — Вообще судьба Кириллобѣлозерской книжности также только въ слабой степени соприкасалась съ интересами собственно литературной производительности и преобладающее содержаніе и исторія бѣлозерской рукописи за то или другое время опредѣлялись главнымъ образомъ зависимостью отъ практическихъ потребностей—богослужебныхъ и учительныхъ и отъ условій монастырской жизни.

На исторіи Соловецкой книжности мы можемъ усмотрѣть еще болѣе слабыя слѣды *литературныхъ* (а не практическихъ) интересовъ братства, хотя именно здѣсь слѣдовало бы ожидать зарожденія своеобразной письменности, на которой могло бы отразиться значеніе чертъ мѣстной жизни, замкнутой и обособленной вслѣдствіе островнаго положенія монастыря и его отдаленности отъ Новгорода и Москвы. Даже въ настоящее время при пароходномъ сообщеніи сношеніе монастыря съ материкомъ продолжается съ мая до сентября. Конечно при худшихъ условіяхъ и рѣже велись сношенія въ древнее время, когда даже лѣтомъ для переправы чрезъ море употреблялись *карбасы*. Уже житіе Зосимы и Савватія говоритъ объ опасностяхъ такой переправы и о случаяхъ гибели судовъ. Эта разобщенность не могла быть, конечно, выгодной для первоначальной исторіи монастырскаго книжнаго дѣла. Дѣйствительно, библіотека въ Соловкахъ возникла сравнительно поздно. Преп. Зосима, принесшій съ собою нѣсколько книгъ, поселился на островѣ около 1437 г. Но монастырское книгохранилище начало свой ростъ спустя почти 50 лѣтъ, въ послѣднихъ годахъ XV в. и въ началѣ XVI-го, и обязано главнымъ образомъ дѣятельности игумена

Досиѳея, который былъ вовлеченъ въ литературныя занятія во время пребыванія въ Новгородѣ и началъ ихъ съ составленія житія свв. Зосимы и Савватія. Въ Новгородѣ же, вѣроятно, Досиѳей сталъ собирать для монастыря рукописи, которыя онъ пересылалъ затѣмъ въ Соловки (Прав. Собес. 1859 г. янв.). Въ монастырскомъ архивѣ мнѣ удалось розыскать древнѣйшую опись Соловецкой библіотеки, составленную въ 1514 году, какъ разъ вслѣдъ за оставленіемъ игуменства Досиѳеемъ. Изъ нея видно, что въ братской казнѣ находилось тогда 126 книгъ, изъ которыхъ 46 было Досиѳеевскихъ. Всѣ онѣ были исключительно или четьи, или богослужебныя. Досиѳеевскія рукописи состояли изъ новгородскихъ списковъ (опись упоминаетъ, напр., о Хутынской псалтыри), но другія монастырскія книги могли имѣть и понизовое происхожденіе, такъ какъ въ числѣ ихъ были и привозныя. Монастырь же, подчиненный въ церковномъ отношеніи Новгороду, послѣ присоединенія Двины къ Москвѣ, оказался въ гражданской зависимости отъ центра. Поэтому въ XVI в. и даже въ концѣ XV вѣка все Поморье не могло не поддерживать оживленныхъ сношеній съ Москвою, которыя велись двумя главными торговыми путями: одинъ шелъ на Ярославль, Вологду и затѣмъ по Сѣверной Двинѣ, другой пролегалъ также на Вологду, но затѣмъ направлялся по западному побережью Кубенскаго озера къ Кириллову, Каргополю и заканчивался на Онегѣ. Чрезъ эти связи первоначальная новгородская культура, которая преобладала на сѣверѣ въ XV вѣкѣ, должна была въ XVI в. уживаться съ московскою, которая, впрочемъ, оказалась безсильною изгладить здѣсь первую такъ, какъ она изгладила ее въ предѣлахъ Бѣлоозера и Вологды. Въ области обычнаго права и бытовыхъ явленій и даже въ архитектурѣ новгородскія традиціи оказались сильнѣе московскихъ до XVII в. включительно. То же можно подмѣтить и на исторіи Соловецкой книжности, въ которую влилась струя московскаго вліянія въ половинѣ XVI в., когда Соловки вслѣдствіе раз-

витія своего землевладѣнія стали въ зависимое отношеніе къ московскимъ приказамъ, именно, къ новгородской четверти. Московская книжность ничуть не вытѣснила новгородской, хотя путемъ вкладовъ значительно обогатила послѣднюю новымъ содержаніемъ и списками. Уже въ XV вѣкѣ Иванъ III пожертвовалъ въ монастырь экземпляръ служебной минеи на 12 мѣсяцевъ. Въ XVI в. Иванъ Грозный (1539 г. и слѣд.) сдѣлалъ вкладъ 22 книгъ (изъ числа которыхъ сохранились до нашего времени—13). Есть указаніе на вкладъ книгами князя Владиміра (вѣроятно Андреевича). Іерей Сильвестръ пожертвовалъ 66 рукописей. Кромѣ него, книги жертвовали въ XVI вѣкѣ Филоѳей, епископъ Рязанскій, Филиппъ митрополитъ, бывшій Соловецкій игуменъ (9 рукописей), а въ началѣ XVII в. бояринъ Годуновъ, келарь Троицкой лавры Александръ Булатниковъ, келарь той же лавры Авраамій Палицынъ († 1627 г.), архимандритъ Троицкій Діонисій, Пожарскій, Колычевъ и другіе.

Многія изъ этихъ московскихъ рукописей послужили оригиналами для книгъ, переписанныхъ въ самомъ монастырѣ. Но одновременно здѣсь продолжались и прежнія связи и съ новгородскою письменностью, которыя поддерживались вкладами: митрополита Макарія („Никонъ“ Черногорецъ и Требникъ), архимандрита Хутынскаго Діонисія (2 рукописи: Псалтирь и Главникъ), митрополита Новгородскаго Исидора (1609 г.), архіепископа Псковскаго Іоасафа (1613 г.) и другихъ малоизвѣстныхъ жертвователей, преимущественно изъ низшихъ слоевъ. Относительно значенія этихъ послѣднихъ вкладовъ нельзя упускать изъ виду, что Соловки изстари были монастыремъ демократическимъ, и это было вполнѣ естественно, такъ какъ окрестное населеніе почти сплошь состояло изъ черныхъ тяглецовъ. Понятно, что вкладчики изъ этой среды, приносившіе въ монастырскую казну книги (особенно при постриженіи), не имѣли средствъ снабжать ее дорогими и тщательно исполненными рукописями, какія мы видимъ, напр., въ Троиц-

кой лаврѣ и въ Кирилловѣ. Дешевая сѣверно-русская внѣмонастырская рукопись XVI вѣка отличается небрежностью и торопливостью почерка и не могла быть находкою для монастыря, который очень часто и не задерживалъ ее въ своихъ стѣнахъ, пуская ее въ продажу. Въ казнѣ удерживались только болѣе исправныя московскія и владычныя новгородскія рукописи. Поэтому, если по наличнымъ соловецкимъ рукописямъ нельзя имѣть вѣрнаго представленія объ общемъ характерѣ библіотечной письменности въ монастырѣ за XVI в., то съ другой стороны эта письменность вслѣдствіе вкладовъ въ общемъ была менѣе исправною, чѣмъ въ московскихъ монастыряхъ.

Но демократичность монастыря въ связи съ его отдаленностью сопровождалась и другими послѣдствіями для мѣстной книжности. Кругозоръ и потребности соловецкаго инока были значительно суженными. И въ XVI в большинство постриженниковъ изъ низшихъ слоевъ были весьма далекими отъ литературы, тѣмъ болѣе, что заботы о пропитаніи и объ экономическомъ процвѣтаніи монастыря поглощали собою всѣ другіе вопросы. Многія книги, поступавшія въ монастырскую библіотеку, оставались въ ней мертвымъ умственнымъ капиталомъ, и переписка книгъ ограничивалась изготовленіемъ сравнительно небольшого круга богослужебныхъ и четіихъ рукописей. Въ половинѣ XVI в. въ монастырѣ было только 268 книгъ. Многія изъ русскихъ сочиненій XV в. появились здѣсь лишь въ началѣ XVII в. Самая переписка была далека отъ того изящества, которое наблюдается въ спискахъ московскихъ, а также кіевскихъ и новгородскихъ древней эпохи. Соловецкія рукописи XV и XVI вв. большею частію не имѣютъ заставокъ. Правда, съ конца XVI в. здѣсь появилась и мѣстная орнаментика, но она безцвѣтна по краскамъ (черная, зеленая и красная) и вполнѣ выработалась въ XVII в., очевидно, подъ вліяніемъ образцовъ печатнаго станка и безцвѣтно-монотонныхъ сѣверныхъ красокъ въ

природѣ. Только въ XVII в., когда въ разныхъ областяхъ монастырской жизни стала проглядывать наклонность къ мѣстной самостоятельности и даже сепаратизму, библіотека начинаетъ расти болѣе быстро, а книжность получаетъ болѣе типичную окраску. Но и этотъ запоздалый процессъ совершается подъ вліяніемъ религіозно-богослужебныхъ побужденій, въ силу которыхъ въ монастырѣ развивается мѣстная агіологическая письменность въ кружкѣ писателей: Никодима, Герасима Фирсова, Сергія Шелонина и другихъ. Особенности мѣстнаго богослуженія узакоияются въ церковныхъ обиходникахъ. Въ монастырѣ появляется такъ называемая казенная орѳографія, въ которой между прочимъ изготовлялись копіи съ житій соловецкихъ подвижниковъ (Зосимы и Савватія, Филиппа и друг.) и службъ имъ для продажи рукописей стороннимъ лицамъ. Въ теченіе года расходилось иногда такихъ списковъ до 40—50 (на 26 рубл. въ 1683 г.). Растутъ и литературно-богослужебныя претензіи соловецкихъ агіографовъ и чрезъ посредство Саввинскаго архим. Никанора Герасимъ Фирсовъ, напр., дѣлаетъ попытки получить отъ патріарха одобреніе своимъ трудамъ для общецерковнаго пользованія. Но эти тенденціи скоро натолкнулись на исправленіе богослужебныхъ книгъ, которое оказалось несогласнымъ съ консервативной исторіей соловецкой святыни. Литература протеста завершилась знаменитымъ соловецкимъ сидѣніемъ, во время котораго топили книги въ водѣ. Печальный конецъ этого сидѣнія не вырвалъ въ Соловкахъ симпатій къ виновникамъ его, и монастырская библіотека сохранила даже литературные автографы Герасима Фирсова. Вообще же даже и это сидѣніе оказало то вліяніе на монастырскую библіотеку, что включило въ нее нѣсколько полемическихъ памятниковъ, относящихся къ вопросу о богослуженіи и обрядамъ. Вскорѣ вслѣдъ за сидѣніемъ закончилось расширеніе ея рукописнаго отдѣла, составъ котораго

даже въ самомъ концѣ XVII в. не выступилъ далеко изъ круга богослужебно-четьихъ стремленій.

Вообще и исторіею соловецкой обособленной и запоздалой письменности мало заправляли спеціально литературныя задачи, а ею руководили какъ, и въ другихъ монастыряхъ, типиконъ, монастырскій уставъ и бытовыя подробности жизни.

Представленными соображеніями и фактами, какъ мнѣ кажется, достаточно подтверждается, что исторія древне-русской литературы пока преждевременна, такъ какъ она не запаслась еще достаточными *матеріалами* для своего научнаго содержанія и не получила своей надлежащей окраски. Источники, которыми пользуется въ настоящее время исторіографія допетровской словесности, суть непосредственные источники для исторіи церковно-монастырской библіотечной книжности, развивавшейся не подъ вліяніемъ литературнымъ, а подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ условій быта, и до сихъ поръ не оцѣненной правильно ни со стороны своего происхожденія и назначенія, ни со стороны своего состава и судьбы. Когда значеніе этой письменности будетъ достаточно освѣщено съ точки зрѣнія церковной исторіи, тогда только можно будетъ мечтать о тѣхъ обобщеніяхъ по исторіи древне-русской свѣтской литературы, которыя должны будутъ занять мѣсто вступительной главы къ исторіи позднѣйшей изящной словесности.

Къ сожалѣнію, важность изученія древне-русскаго библіотечнаго дѣла не была еще сознана въ достаточной степени и въ этой области не сдѣлано почти ничего, хотя для изслѣдователя здѣсь обширное поле для изысканій.

Мы имѣемъ, во-первыхъ, не мало *описей* старинныхъ книгохранилищъ. Во-вторыхъ до насъ уцѣлѣли многія рукописи этихъ библіотекъ съ приписками о времени и мѣстѣ написанія, о передачѣ книги отъ одного лица другому и т. п. Но и то, и другое почти вовсе не эксплоатировалось для указанной нами цѣли. Если на западѣ средневѣковые каталоги

и инвентари не только давно приведены въ извѣстность, но и изданы (Becker'омъ, Gottlieb'омъ и друг.), то у насъ не сдѣлано даже простого перечня сохранившихся библіотечныхъ каталоговъ, столь драгоцѣнныхъ хотя бы для статистики и для вопроса о составѣ древне-русской письменности. Если бы сгруппировать всѣ подобные каталоги, то давно стало бы яснымъ, что до половины XVII вѣка библіотечная монастырская книга жила подъ вліяніемъ богослужебно-учительныхъ, а не литературныхъ, задачъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы могли бы получить свѣдѣнія о дѣятельности главныхъ средоточій русскаго просвѣщенія, о состояніи церковноучительнаго дѣла по разнымъ мѣстамъ, о времени появленія древнѣйшихъ текстовъ того или другого писанія, о передвиженіи списковъ и т. д. и т. д. Если библіотечные инвентари наши и не преслѣдовали собственно библіографическихъ цѣлей, а въ интересахъ контроля разсматривали книгу какъ вещевую цѣнность, то они нерѣдко указывали внѣшніе признаки рукописи, по которымъ ее можно узнать и въ настоящее время. Съ другой стороны, тѣ же инвентари для каждой библіотеки послѣ половины XVI вѣка и особенно въ XVII столѣтіи составлялись сравнительно часто: книгохранилища описывались тогда наравнѣ съ другимъ имуществомъ во время правительственныхъ переписей, результаты которыхъ заносились въ такъ называемыя писцовыя и переписныя книги, а также въ сотныя (или выписки изъ писцовыхъ книгъ). Но еще чаще и болѣе внимательно составлялись переписи книгъ при передачѣ библіотеки отъ одного книгохранителя старца другому. Такія переписи назывались отписными книгами и чередовались одна за другою сообразно со смѣною библіотекарей.

Тѣ и другія описи могутъ служить драгоцѣннымъ подспорьемъ для исторіи книжнаго дѣла въ предѣлахъ богослужебной и учительной библіотеки стараго времени. Съ XVI вѣка нить этихъ описей для многихъ монастырскихъ собраній пока еще не прервалась, хотя и нельзя не

опасаться, чтобы многія изъ нихъ при отсутствіи интереса къ нимъ и при разбросанности ихъ въ мѣстныхъ архивахъ не утратились въ ближайшее время. Собираніе и изданіе указанныхъ инвентарей, поэтому, есть дѣло настоятельной и неотложной научной потребности. Значеніе такихъ описей, какъ опорной точки для исторіи наличной книжности древняго времени, тѣмъ значительнѣе, что возстановленіе исторіи этой для настоящаго времени сопряжено уже съ весьма сложными затрудненіями, объясняющимися не столько условіями жизни древнерусскихъ библіотекъ въ дореформенные вѣка, сколько обстоятельствами ихъ разгрома въ просвѣщенный періодъ послѣ петровской цивилизаціи. — *Начальная* судьба уцѣлѣвшей древнерусской книги была тѣсно связана съ поступательнымъ ходомъ монастырской колонизаціи изъ Подмосковья. Мирное завоеваніе окраинъ московскимъ монастыремъ было вмѣстѣ съ тѣмъ исторіей внѣшняго развитія богослужебно-учительной письменности. Почти въ каждомъ новомъ общежитіи одновременно съ основаніемъ его появлялась и книга, и по мѣрѣ роста общины росла и ея библіотека въ той послѣдовательности, которая была уже нами отмѣчена, хотя и при различной обстановкѣ.

Если бы мы въ настоящее время располагали всѣми тѣми рукописями, которыми обладали въ свое время монастырскія библіотеки московскаго періода, то при помощи инвентарей и изученія самихъ рукописей не было бы неодолимыхъ затрудненій воспроизвести какъ общій ходъ развитія древнерусскаго монастырскаго книжнаго дѣла, такъ и имѣть точныя и подробныя свѣдѣнія по исторіи отдѣльныхъ библіотекъ и рукописей. Къ несчастію, слишкомъ разнообразны были тѣ причины, которыя вліяли на истребленіе, порчу и разгромъ нашей библіотечной старины. Въ періодъ ея прироста она гибла главнымъ образомъ отъ стихійныхъ, такъ сказать, бѣдствій, которыя переживали и церковь, и монастырь. Въ пергаменныя столѣтія съ XI-го по XIV вв. онѣ истреблялись во

время пожаровъ, нашествій половцевъ, печенѣговъ, татаръ и междоусобныхъ войнъ. Въ періодъ бумажный къ невзгодамъ присоединилась разрушительная сырость. Набѣги крымскихъ и восточныхъ татаръ вмѣстѣ съ московскими и другими пожарами XVI в. сильно повредили сохранности рукописей столицы и Подмосковья. Но особенно тяжелыя утраты нанесло въ нач. XVII в. литовское лихолѣтье, разорившее множество мелкихъ библіотекъ на всемъ нашемъ сѣверѣ до Поморья включительно. Сравненіе сотныхъ XVI в. съ писцовыми 135 и 136 годовъ показываетъ, что послѣдствія этого разоренія далеко превосходили утраты, понесенныя русскими библіотеками въ 1812 году. Но сила стихійныхъ несчастій не была все-таки соединена съ такими крупными послѣдствіями, какія обнаружились въ послѣпетровское время неуважительнаго отношенія къ старинѣ. Слишкомъ крутъ былъ переломъ, произведенный западно-европейскою цивилизаціей въ русской жизни, которая стала въ антагонизмъ съ результатами допетровской культуры. Заморское образованіе не имѣло связи со старою русскою книжностью и уже поэтому презрительно обезцѣнивало просвѣтительный смыслъ прежнихъ рукописныхъ собраній. Приростъ ихъ и обогащеніе памятниками прекратились: новый шрифтъ и новое направленіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ потянулись на сторону католической и протестантской науки. Старое уставное чтеніе было замѣщено предиками, составленными по правиламъ католическихъ и протестантскихъ риторикъ. Всѣ эти свято-отеческія творенія, похвальныя слова, греческія и русскія житія, на переписку которыхъ было потрачено столько труда, были оттѣснены устною проповѣдью, въ которой увидѣли панацею отъ всевозможныхъ пороковъ. Такимъ образомъ древнерусская библіотека и книга въ послѣпетровскую эпоху отжили свое былое значеніе: рукопись превратилась въ памятникъ археографіи, съ условною научною стоимостью, но утратила свой прежній смыслъ религіозно-воспитательнаго средства. Вслѣд-

ствіе этого библіотечная книга лишилась и прежней охраны: если допетровское время было эпохою историческаго процесса собиранія рукописей, то XVIII—XIX вѣка были временемъ раздробленія старинныхъ книгохранилищъ.

Когда съ XVIII в. допетровскія библіотеки порвали свою давнишнюю связь съ текущею религіозною жизнью, рукописи оказались для церквей и монастырей излишними вещами. Они отрываются отъ своего мѣста храненія, кочуютъ чрезъ частныя руки до тѣхъ поръ, пока не гибнутъ или находятъ себѣ осѣдлость въ какомъ либо учено-общественномъ древлехранилищѣ. Такое блужданіе книгъ, къ несчастію, не завершилось и до настоящаго времени. Почти всѣ недавнія рукописныя собранія составились именно чрезъ коллекціонированіе церковно-монастырскихъ книгъ, оторванныхъ отъ своего прежняго мѣстожительства, причемъ слѣды этого происхожденія оказываются нерѣдко совсѣмъ затушевываннымъ. Понятно, сколь трудныя и сложныя задачи вытекаютъ отсюда для историка допетровской книжности.

Прежде всего настоятельно необходимо, по возможности, скорѣе пріостановить продолжающееся отчужденіе рукописей изъ церквей и монастырей или путемъ охранительныхъ мѣръ, или путемъ собиранія въ одно общее древлехранилище съ точной регистраціей мѣстъ ихъ первоначальнаго храненія, или путемъ тщательной каталогизаціи рукописей, оставшихся еще не расхищенными изъ церквей и монастырей.—Необходимо, во-вторыхъ, привести въ извѣстность всѣ рукописи, собранныя въ болѣе позднихъ частныхъ и общественныхъ библіотекахъ, для того, чтобы имѣть возможность разыскивать здѣсь книги, удаленныя съ ихъ родины, и воспользоваться ими для возстановленія исторіи отдѣльныхъ до-петровскихъ книгохранилищъ. Предстоитъ, въ-третьихъ, собрать и издать старинныя описи церквей, монастырей, ихъ библіотекъ и архивовъ, а также описи библіотекъ, относящіяся къ XVIII—XIX вѣкамъ за то время,

когда еще не завершился окончательно процессъ разгрома древней книжности. Нельзя упускать изъ виду, что число такихъ описей съ каждымъ годомъ сокращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропорціонально увеличивается затруднительность древне-русскаго библіотеко-изученія.

Путемъ сопоставленія старинныхъ описей съ наличными рукописями слѣдуетъ, затѣмъ, возстановить исторію отдѣльныхъ мѣстныхъ библіотекъ и послѣдовательное осложненіе ихъ состава новыми текстами и списками. Наконецъ, необходимо привести въ извѣстность всѣ списки каждаго изъ сочиненій русскаго пера. Тогда станетъ возможною научная исторія допетровской общерусской литературы (духовной и свѣтской), построеніе которой въ настоящее время опирается на мало обоснованные факты.

Намѣченный здѣсь планъ долженъ привести къ научнымъ результатамъ, совершенно несходнымъ съ выводами современной исторіографіи такъ называемой древне-русской литературы.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно провѣрить для примѣра (даже на самыхъ начальныхъ страницахъ ея) наиболѣе общепринятыя сужденія о сочиненіяхъ и авторахъ XI вѣка.

За исключеніемъ П. М. Строева, никто, напр., кажется, не рѣшался сомнѣваться въ подлинности открытаго Тимковскимъ поученія Луки Жидяты. Ее удостовѣряли надписи на двухъ спискахъ этого слова (по Несторову временнику) и не поколебало заглавіе на особой редакціи поученія, открытой м. Макаріемъ въ Софійской рукописи XIV—XV вв., гдѣ слово названо „поученіемъ іерусалимскимъ“. На основаніи этихъ трехъ списковъ составлялась общая характеристика Луки Жидяты, какъ автора XI вѣка и его времени. Между тѣмъ, если бы были собраны свѣдѣнія о составѣ всей сохранявшейся библіотечной книжности, если бы мы знали ея исторію, изучили всѣ отдѣльные списки русскихъ памятниковъ, то могли бы видѣть, что сдѣланныя наблюденія надъ

поученіемъ Жидяты далеко не окончательны. Намъ извѣстны не три, а до 17 списковъ его, восходящихъ къ XIV—XVII вѣкамъ и въ разнообразныхъ редакціяхъ. Оказывается, что только въ 4-ой новгородской лѣтописи поученіе приписывается Новгородскому владыкѣ Лукѣ, а въ отдѣльныхъ спискахъ усвояется или архіепископу Василію, или св. епископу Григорью, или Екклесіасту, или носитъ анонимное надписаніе: поученіе св. апостолъ, нѣкоего старца, св. апостолъ и св. отецъ и т. п. Самый текстъ памятника въ нѣсколькихъ редакціяхъ напоминаетъ епитимійно-предъисповѣдныя поученія. Во всякомъ случаѣ до сравнительнаго изученія всѣхъ списковъ его рано быть увѣреннымъ въ томъ, что лѣтописецъ привелъ подлинное произведеніе Луки, и что лѣтописный текстъ поученія есть первоначальный.

Одинаково малонадежны существующія свѣдѣнія о сочиненіяхъ Ѳеодосія Печерскаго, митр. Георгія, черноризца Іакова, митр. Ефрема, Григорія, творца каноновъ, и другихъ писателей XI вѣка. Свѣдѣнія эти получены при помощи случайныхъ списковъ и расшатываются послѣ критической провѣрки ихъ при помощи другихъ рукописей.

Весьма поучительна съ этой стороны легенда о такъ называемомъ мнихѣ Іаковѣ, писателѣ XI вѣка, составившаяся еще въ исходѣ 40-хъ годовъ благодаря Сахарову, митр. Макарію, Погодину и другимъ. Я не стану вспоминать здѣсь о постепенномъ наслоеніи этой легенды, но укажу только насколько опрометчивъ перечень трудовъ этого мнимаго автора.

Какъ извѣстно, мниха Іакова XI в. называютъ авторомъ: 1) Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, 2) Похвалы св. Владиміру (съ житіемъ св. Ольги), 3) Житія блаж. Владиміра, 4) Посланія къ слузѣ Божію Димитрію.

Первое приписываютъ мниху Іакову XI в. потому, что въ началѣ „сказанія“ говорится: „прочая же его (т.-е. Владиміра) добродѣтели индѣ скажемъ“, а въ этомъ „индѣ“ видятъ указаніе на „Похвалу св. Владиміра“, которая носитъ въ за-

главіи надпись: „списано Іаковомъ мнихомъ". Но это соображеніе совершенно несостоятельно: 1) намъ извѣстно до 150 списковъ Сказанія, и нигдѣ оно не носитъ имени автора; 2) сказаніе не могло имѣть въ виду похвалу (въ ссылкѣ „индѣ"), такъ какъ авторъ сказанія предполагалъ говорить о тѣхъ добродѣтеляхъ Владиміра, которыя обнаружились независимо отъ крещенія Руси. А о такихъ добродѣтеляхъ писалъ не мнихъ Іаковъ, а составитель того анонимнаго житія Владиміра, слѣды котораго сохранились въ лѣтописи, гдѣ находится даже мѣсто, сходное съ началомъ сказанія; 3) слогъ и литературные пріемы сказанія и похвалы совсѣмъ различны.

Житіе блаж. Владиміра усвояется мниху Іакову не менѣе произвольно. Всѣ списки его, восходящіе до 1414 г., анонимны. Подробности содержанія расходятся съ Похвалою. Авторъ житія пользовался лѣтописью въ редакціи не первичной, а восходящей къ типу Тверской лѣтописи и Сказаніемъ о грамотѣ русствѣй. Житіе блаженнаго Владиміра есть компиляція, появившаяся позже XI вѣка (быть можетъ не ранѣе половины XIII вѣка [1]).

Посланіе Іакова къ слузѣ Божію Димитрію относятъ къ XI в. на основаніи древности языка. Но древность языка здѣсь объясняется заимствованіями изъ Пандекта Антіоха. Предположеніе, что Димитрій заглавія есть Изяславъ Ярославичъ, въ иноцѣхъ Димитрій, есть одна изъ многихъ возможностей.

Похвала св. Владиміру списана Іаковомъ мнихомъ, но, очевидно, не въ XI вѣкѣ, такъ какъ біографъ пользовался вторичною, а не первичною, редакціею проложнаго житія св. Ольги. Самый текстъ этой Похвалы, восходящій къ рукописи 1414 года, дошелъ не въ однообразномъ изводѣ.

---

[1]) По наблюденіямъ А. А. Шахматова, Тверская лѣтопись содержитъ въ началѣ Софійскій временникъ, составленный между 1240—1255 гг. (О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. М. 1897, стр. 10).

Итакъ литературная слава Іакова есть миѳъ, и всѣ выводы объ этомъ quasi-писателѣ XI вѣка совсѣмъ ненаучны.

Но такихъ же результатовъ нельзя не предвидѣть и отъ изученія списковъ сочиненій другихъ авторовъ. Ѳеодосію Печерскому обыкновенно съ рѣшительностью приписываютъ пять поученій къ братіи, извѣстныхъ по Румянцовской рукописи XV в. и Кіевопечерской XVIII в. Намъ извѣстны отъ 2 до 10 еще списковъ отдѣльныхъ поученій изъ той же группы, и изученіе ихъ приводитъ пока только къ вопросу, былъ ли авторомъ ихъ какой-то Ѳеодоръ или какой-то Ѳеодосій?

Вообще, если отнестись внимательно къ фактамъ, изъ коихъ исходятъ выводы относительно литературы древняго періода, то шаткость ихъ обнаруживается при самомъ поверхностномъ просмотрѣ неизученныхъ списковъ. Напротивъ, многіе памятники, восходящіе къ раннимъ вѣкамъ, до сихъ поръ не включаются въ исторію древне-русской литературы потому, что неправильная точка зрѣнія на задачи ея изученія и методъ ея разработки устраняли до сихъ поръ такое изученіе. Такова, напр., довольно обширная литература, стоящая въ связи съ епитимійно катехизическимъ поученіемъ древняго времени.

Но систематическая разработка библіотечнаго дѣла должна не только перестроить заново цѣлые отдѣлы исторіи допетровской литературы, но и отыскать нить къ разысканію первоначальныхъ текстовъ. Если не забывать, какое назначеніе имѣла та или другая книга, въ которой сохранились древнерусскія произведенія древняго времени, то не трудно понять, что книги богослужебныя и четьи не стремились къ сохраненію текста, а приспособляли его къ назиданію и видоизмѣняли его для цѣлей популяризаціи содержанія. Отсюда, напр., сотни списковъ словъ Кирилла Туровскаго въ Златоустахъ и Измарагдахъ могутъ служить къ исторіи текста словъ, но мало помогутъ возстановить его первоначальный видъ. Напротивъ, среди списковъ этихъ словъ, находящихся

въ нечетныхъ сборникахъ, можно надѣяться найти первичныя редакціи поученій. Древнѣйшую редакцію слова о законѣ и благодати мы случайно имѣемъ въ спискѣ XVI вѣка, тогда какъ остальные списки, приспособивъ слово къ богослужебному чтенію, выбросили изъ него черты современности XI вѣку.

Наконецъ, систематическое изученіе исторіи и состава библіотекъ дастъ обширный и надежный статистическій матеріалъ, изъ котораго мы узнаемъ, что было излюбленнымъ чтеніемъ древне-русскаго церковника и какія сочиненія съ ихъ идеалами содѣйствовали міровоззрѣнію его и всего русскаго общества.

Итакъ, для составленія научной исторіи древне-русской литературы не наступило еще время. Научное право на существованіе принадлежитъ пока церковно-историческому изученію духовно-учительной книжности въ ея происхожденіи, составѣ и генеалогіи отдѣльныхъ списковъ и произведеній.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Академии Наук СССР

